

Любич-Кошуров Иоасаф Арианович

**В царстве пчел и муравьев.
Рассказ для детей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И75

И75 **Иоасаф Арианович Л.**
В царстве пчел и муравьев. Рассказ для детей / Любич-Кошуров Иоасаф
Арианович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 52 с.

ISBN 978-5-519-94358-1

ISBN 978-5-519-94358-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

онъ журъ, мосье,—сказалъ одинъ трутень другому и поклонился такъ, что сразу было видно, что онъ изъ хорошаго общества.

И другой трутень, очевидно, тоже былъ изъ хорошаго общества: онъ поклонился какъ разъ такъ, какъ первый трутень, и тоже сказалъ:

— Бонъ журъ, мосье.

Потомъ они сѣли на вишневый листъ, поближе къ краю, и каждый погладилъ себя по брюшку... И каждый при этомъ поглядѣлъ на другого и самодовольно улыбнулся.

Миѣ скажутъ, можетъ быть, что никто не видѣлъ, какъ смѣются пчелы. Пусть. Но нельзя же утверждать, что пчелы, въ видѣ исключенія, лишены драгоценнаго въ миѣ блага—испытывать радость, какъ всякое твореніе Божіе.

Навѣрное, онѣ смѣются—только какъ-нибудь по своему.

Я даже глубоко убѣжденъ, что если бы, напри-

мѣръ, вы подошли къ улью и стали хохотать прямо въ глаза пчеламъ, ни одна изъ нихъ, навѣрное, не догадалась бы, что вы хохочете, и можетъ быть, даже самая умнѣйшая изъ нихъ подумала бы про васъ Богъ знаетъ что: напимѣръ, что вы сошли съ ума.

Съ другой стороны, и мы, я думаю, не подмѣтили бы ни единой улыбки у обоихъ „мосье“, если бы вздумали разсматривать ихъ сквозь самое сильное увеличительное стекло.

Конечно, они смѣются по-своему.

— Позавтракали?—спросилъ одинъ „мосье“.

— О!..—отвѣтилъ другой и умолкъ на минуту, глядя вдаль съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ, какъ будто тамъ, въ этой дали, онъ видѣлъ что-то необыкновенно для него пріятное, — можетъ быть, этотъ самый завтракъ. Потомъ онъ добавилъ:

-- Что можетъ быть лучше медоваго варенья изъ цвѣточной пыли!..

И опять умолкъ, сложивъ лапки на большомъ округленномъ брюшкѣ и не отводя мечтательнаго взора отъ группы липъ въ глубинѣ сада.

Нужно пояснить здѣсь, что оба „мосье“, какъ уже было сказано выше, принадлежали къ породѣ трутней, — стало-быть, о чемъ же имъ было разговаривать больше, какъ не о ѣдѣ?

Ни тотъ ни другой не имѣлъ никакого занятія, никакого мѣста... Квартира у нихъ была даровая, даровой столъ, — не могло быть, значить, никакихъ заботъ... А солнце грѣло такъ жарко, такъ тихъ и покоенъ былъ этотъ лѣтній день.

Рабочія пчелы сновали взадъ и впередъ по пасѣкѣ, маленькія, худенькія сравнительно съ этими двумя кавалерами, отдохавшими на глянцевиномъ вишневомъ листочкѣ послѣ своего медоваго завтрака.

Случайно залетѣвшій на пасѣку шершень крикнулъ было имъ:

— У-у! Брюханы-дармоѣды.

Но они не обратили на него никакого вниманія.

— Дикарь!—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Мужикъ!—сказалъ другой.

И сейчасъ же, схватившись лапками за брюшко, начали громко смѣяться, подмигивая другъ другу.

Имъ казалось, что это необыкновенно остроумно и не лишено даже колкости—выругать шершня мужикомъ и дикаремъ.

Вообще они пріятно проводили время, сидя на своемъ воздушномъ блестящемъ зеленомъ паркетѣ.

Жаль только, что у нихъ не было съ собой картъ, а то они непременно стали бы играть въ дурачки или въ свои козыри.

По крайней мѣрѣ, я такого мнѣнія о трутяхъ. Они, должно быть, всѣ безъ исключенія — картежники; иначе, куда же имъ долгій лѣтній день?

Но слушайте, слушайте, читатель!

— Мосье,—сказалъ одинъ трутень, — я недавно получилъ отъ одного жука интереснѣйшій романъ нашего Майнъ-Рида.

Долженъ здѣсь сдѣлать оговорку.

Майнъ-Ридъ—это совсѣмъ не тотъ Майнъ-Ридъ, который написалъ массу романовъ изъ американской жизни.

Это другой Майнъ-Ридъ: Шмель изъ роши.

Онъ тоже написалъ массу романовъ изъ жизни не американскихъ, а африканскихъ дикарей и разбойниковъ.

Но они не менѣе интересны, чѣмъ американскіе романы Майнъ-Рида.

Впрочемъ, Шмель не имѣлъ возможности ознакомиться съ бытомъ людского населенія Африки. Всѣ его романы живописуютъ исключительно насѣкомыхъ и въ особенности муравьевъ.

Откуда онъ почерпнулъ свои обширныя свѣдѣнія о муравьяхъ,—я не знаю. Могутъ только подтвердить одно: какъ оказывается, Шмель необыкновенно осведомленный въ своей спеціальности романистъ.

Въ его многотомныхъ произведеніяхъ нѣтъ ни одного слова лжи, никакого преувеличенія. Въ этомъ я убѣдился самъ, прочитавъ двѣ его книги.

Но возвращаюсь къ разсказу.

— Прекрасный романъ, мосье...

— А какъ онъ называется, мосье?

— Называется... Погодите... Погодите, мосье, я сейчасъ вамъ скажу.

И владѣлецъ романа вынулъ... (конечно, не изъ кармана, потому что, какіе же, правда, у него карманы?) вынулъ небольшую книжечку въ переплетѣ изъ розовыхъ лепестковъ.

— Вотъ онъ, — сказалъ онъ и, откашлявшись, прочелъ заголовокъ:

— „Африканскій муравей-гонитель“.

— Вы уже читали? — спросилъ другой трутень; — въ чемъ тутъ дѣло?

На это первый трутень нѣсколько конфузливо отвѣтилъ, что точно читалъ, но хорошенько не помнить, въ чемъ дѣло...

— Тогда, — сказалъ другой трутень, — прочтемъ вмѣстѣ снова?..

И, крикнувъ рабочимъ пчеламъ, чтобы не очень жужжали, онъ сѣлъ поудобнѣе и добавилъ:

— Я слушаю, мосье...

И, подождавъ минуту, добавилъ еще:

— Когда я стану дремать, мосье, вы меня толкните.

Первый трутень развернулъ книжку и сталъ читать.

Вотъ что прочелъ онъ. Я привожу здѣсь точный переводъ этого удивительнаго шмелинаго романа.

ГЛАВА II.

(Романъ изъ жизни африканскихъ
муравьевъ).

апитанъ! Капитанъ!..

Эти слова относились
къ муравью гигантскаго
роста, съ очень развиты-
ми, крѣпкими челюстями.
Одинъ видъ этихъ челю-
стей привелъ бы васъ въ
ужасъ, читатель, кто бы

вы ни были: обезьяна, бабочка, левъ, корова или
змѣя!

По совѣсти долженъ сказать, я не знаю болѣе страшнаго оружія, чѣмъ челюсти муравья - гонителя.

Герой моей правдивой исторіи имѣлъ особенно развитыя челюсти, и это обстоятельство сослужило ему, вѣроятно, немалую службу въ его военной карьерѣ.

Во всякомъ случаѣ, муравей, надѣленный подобными челюстями, могъ считать себя родившимся подъ счастливой звѣздой.

Конечно, плохъ тотъ солдатъ, который не хочетъ быть генераломъ, но вѣдь это совсѣмъ не такъ-то легко — достигнуть генеральскихъ чиновъ, особенно въ муравьиной арміи.

Въ муравьиной арміи солдаты такъ и остаются до конца своей жизни солдатами, а офицеры всѣ непремѣнно такъ и родятся офицерами, капитанами, поручиками, полковниками.

Производятъ ли ихъ когда-нибудь въ генералы или фельдмаршалы — я не знаю, но съ увѣренностью могу сказать, что герой мой имѣлъ всѣ на то данныя: онъ былъ необыкновенно безстрашенъ.

Къ этимъ его качествамъ хорошаго офицера можно прибавить еще одно: съ подчиненныхъ онъ требовалъ строгаго исполненія всѣхъ правилъ военной дисциплины.

Когда сегодня къ нему вползъ муравей-солдатъ и окликнулъ его, онъ прежде всего щелкнулъ челюстями.

По голосу солдата онъ уже догадался, что солдатъ имѣетъ сообщить ему нѣчто не совсѣмъ обыкновенное...

Да иначе солдатъ и не рѣшился бы обезпokoить его.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ коротко и опять щелкнулъ челюстями.

А солдатъ смотрѣлъ на него и любовался.

„Пріятно служить у такого командира“, — думалъ онъ.

Онъ хорошо понималъ своего капитана и сейчасъ же проникся его настроеніемъ.

Онъ тоже двинулъ челюстями съ такимъ видомъ, какъ будто намѣревался перекусить кому-нибудь горло, и отвѣтилъ:

— Добыча!

— Опять змѣя?

— Никакъ нѣтъ: пять чудеснѣйшихъ свиней!

У людей существуетъ выраженіе: „потекли слюнки“.

Употребить это выраженіе никакъ нельзя по отношенію къ муравью, потому что муравей, каковъ бы онъ ни былъ, все-таки муравей, не больше.

Но, конечно, ни офицеръ, ни солдатъ не могли оставаться равнодушными, разговаривая о драгоцѣнныхъ животныхъ.

Невольно мысль перенесла ихъ изъ расщелины скалы въ совершенно другую обстановку, и на челястяхъ у нихъ выступилъ ядъ.

— Чудеснѣйшія свиньи, — повторилъ солдатъ.

Капитанъ выпрямился.

— Отрядъ, стройся! — крикнулъ онъ.

И, почти мгновенно голая, гладкая поверхность скалы почернѣла и точно ожила отъ множества чернобурыхъ безмолвно копошащихся тѣлъ...

Солдаты-муравьи выползали изъ всѣхъ щелей, изъ всѣхъ трещинъ.

Безформенная темная масса быстро выравнилась въ правильную колонну.

— Шагомъ мар-ршъ! — крикнулъ капитанъ послѣднюю команду, занимая свое мѣсто на флангѣ колонны, и едва замеръ послѣдній звукъ его голоса, колонна вся, какъ одинъ муравей, двинулась и поползла по склону скалы.

Было ужъ поздно: часовъ около двухъ ночи. Надъ безлюдной равниной свѣтила луна.

Въ глубокомъ молчаніи и въ полномъ порядкѣ колонна двигалась по степи, направляясь къ западу, гдѣ на небольшомъ пригоркѣ бѣлѣла освѣщенная луной одинокая ферма — цѣль похода единственного въ мірѣ по своей свирѣпости муравьиного племени...

Муравей-солдатъ, принесшій первую вѣсть о фермѣ, шелъ впереди всѣхъ, указывая дорогу.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что муравьи-гонители совершаютъ свои опустошительные набѣги, какъ настоящіе разбойники, предпочтительно ночью или въ пасмурные дни.

Въ описываемомъ нами случаѣ, отрядъ муравьевъ собрался въ походъ сравнительно поздно: до разсвѣта оставалось совсѣмъ недалеко, и предводитель отряда лучше, чѣмъ кто-нибудь, понималъ, какому риску подвергаетъ онъ себя и свою банду...

Нападенія какого-нибудь врага онъ не боялся, хотя враговъ у него было много. Онъ самъ въ любую минуту готовъ былъ первый кинуться навстрѣчу какой угодно опасности; тѣмъ не менѣе, онъ не безъ тревоги поглядывалъ на востокъ...

Онъ зналъ, что врагъ, непобѣдимый, беспощадный, могъ явиться только оттуда — съ востока.

Во всемъ мірѣ онъ страшился только одного — солнца. Дѣло въ томъ, что муравьи-гонители необыкновенно чувствительны къ тропической жарѣ.

Когда небо безоблачно и солнце сіяетъ во всемъ своемъ блескѣ, ни одинъ муравей не рѣшится покинуть своего убѣжища безъ особенной надобности.

Страшный и свирѣпый ночью или въ пасмурный день, онъ становится слабымъ, безсильнымъ и вялымъ въ ясную погоду. Онъ не способенъ тогда ни защищаться, ни нападать...

Я не знаю, умираютъ ли муравьи-гонители отъ солнечнаго удара, но въ ведренные дни, по дорогѣ, гдѣ прошло ихъ войско, мертвыя тѣла попадаютъ на каждомъ шагу...

Теперь вы поймете, съ какимъ чувствомъ взглядывалъ отъ времени до времени на востокъ нашъ капитанъ...

— Сержантъ! — окликнулъ онъ солдата-проводника, и когда тотъ, оставивъ свое мѣсто въ головѣ колонны, приблизился къ нему, сказалъ:

— Прибавь шагу.

Колонна ускорила шагъ.

Нѣсколько солдатъ даже очутились впереди колонны. Но капитанъ, не перестававшій ни на одну секунду наблюдать за подчиненными, крикнулъ:

— Ровняйся!

И сразу водворилъ порядокъ.

Отрядъ ускореннымъ шагомъ миновалъ цѣпь небольшихъ пригорковъ и выбрался на ровное песчаное мѣсто.

А ночь ужъ подходила къ концу... Нѣсколько времени спустя на горизонтѣ появилось солнце, яркое, блестящее, тропическое солнце...

Капитанъ оглянулся вокругъ: ни кустика, ни камешка, — одинъ песокъ... Онъ былъ увѣренъ въ своихъ муравьяхъ и зналъ, что они будутъ итти, долго итти, сколько онъ захочетъ, теряя съ каждымъ ша-